

Павел Успенский
Università per Stranieri di Siena
paveluspenskij@gmail.com

Pavel Uspenskij
University for Foreigners of Siena
paveluspenskij@gmail.com

СТАТУС «НАРОДНОЙ МУДРОСТИ»
В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ 1960-Х ГОДОВ:
СЛУЧАЙ Ю. ДАНИЭЛЯ И Я. САТУНОВСКОГО

THE STATUS OF *FOLK WISDOM*
IN UNOFFICIAL SOVIET POETRY OF THE 1960S:
THE CASE OF YU. DANIEL' AND YA. SATUNOVSKY

Статья посвящена двум поэтическим текстам второй половины 1960-х годов, которые состоят из пословиц и поговорок. Хотя стихи принадлежать очень разным авторам (одно стихотворение написал диссидент Юлий Даниэль, а другое — представитель лианозовской школы Ян Сатуновский), оба текста преследуют одну и ту же задачу: деконструировать статус «народной мудрости», закрепленный в советской культуре за пословицами и поговорками. В статье подробно анализируется, каким образом авторы, избравшие принцип центона как наиболее актуальный, показывают моральную ущербность провербиальных выражений. Отдельно рассматривается проблема поэтического субъекта.

Ключевые слова: поэтика; пословицы и поговорки; неофициальная советская поэзия; диссидентское движение; лианозовская школа; Ян Сатуновский; Юлий Даниэль.

The article focuses on two poetic texts from the second half of the 1960s that consist of proverbs and sayings. Although the poems belong to very different authors (one poem was written by the dissident Yuli Daniel, and the other — by the lianozovian poet Yan Satunovskiy), both poems pursue the same goal: to deconstruct the status of *folk wisdom* assigned to proverbs and sayings in Soviet culture. The article analyzes in detail how the authors, who have chosen the centone principle as the most relevant, show the moral inferiority of folk expressions. The problem of the poetic self is also considered.

Keywords: poetics; proverbs and sayings; unofficial soviet poetry; Soviet dissidents; The Lianozov School; Yuli Daniel; Yan Satunovskiy.

В русской культуре пословицы и поговорки традиционно воспринимаются как «народная мудрость» — меткие и глубокомысленные сентенции простых людей, которые то и дело удачно приходятся к слову в речи разных социальных групп. Хотя сиюминутное присвоение народных речений настолько привычно, что редко воспринимается носителями языка как маркированный жест, оно, тем не менее, идеологически нагружено. Приводя в речи пословицу или поговорку, человек в этот момент солидаризуется с заранее заданным и застывшим коллективным знанием о мире, подчас восходящим к глубокой древности. В определенном смысле в этот момент речь не принадлежит говорящему, — за него говорит безымянный *другой* выражающий общепринятый и нормативный взгляд на мир. Иными словами, в тот момент, когда говорящий цитирует фольклорное речение, он, пусть и на секунду, уступает свою субъектность и свой персональный взгляд на мир той или иной истине деперсонализированного дискурса, а самим фактом повторения чужих слов признает, что в данный момент уместнее и точнее не его личное, а «ничейное» народное высказывание¹.

Идеологическая нагрузка такой речевой практики зиждется на отношении к «народу» как говорящего (автора), так и слушающего (читателя). Бесконфликтной и немаркированной оказывается ситуация, когда оба согласны, что «народная мудрость» в текущих обстоятельствах удачно совпадает с личным мнением или замещает его. Бóльший интерес представляют маркированные случаи, поскольку они выявляют своеобразное положение языков и идеологических компонентов в культуре.

Здесь особо важны и интересны случаи авторской поэтической работы с провербиальным фондом, предполагающей рефлексивное и порой критическое отношение, которое может воплощаться в различных формах — от особой модальной рамки до ролевой лирики. Подчеркну, что речь не идет об использовании пословиц и поговорок в качестве материала для создания неожиданных метафор или большей поэтической выразительности, — в таком качестве идиоматика как стабильный пласт языка используется русской поэзией систематически (Успенский & Файнберг 2020; Красильникова & Успенский 2021). Напротив, речь идет о своего рода метапозиции поэта, который тем или иным образом осмысляет культурный статус народных речений, исходя из ощущения дистанции между своим языком и речью простых людей. В русской поэзии не так много стихов, прямо размышляющих о провербиальных выражениях (см. о важном и редком случае: Uspenskij 2021). Настоящая статья посвящена двум почти синхронным примерам поэтической критики пословиц и поговорок на излете хрущевской оттепели.

¹ В этих рассуждениях мы отталкиваемся от старинной темы идеологичности всякого высказывания, которую подробно разрабатывал М. Бахтин и ученые его круга. См., например: (Медведев 2003/1928).

Эпоха сталинизма и особенно период большого террора вновь проблематизировали старинную проблему — отношение интеллигенции к народу. В статье нет возможности рассматривать эту проблему в ее многочисленных аспектах, однако несомненно, что афористично сформулированный Сергеем Довлатовым вопрос — «Кто написал четыре миллиона доносов?» — остро беспокоил интеллектуалов хрущевской оттепели, пытающихся осмыслить недавнее травматическое прошлое и феномен советского человека. Вне зависимости от того, как каждый конкретный писатель видел пассивность и активность народа в трагическую эпоху, сама проблема могла приобретать лингвистическое измерение. «Народная мудрость», составляющая своего рода свод правил и жизненных взглядов простого человека, оказывалась маркированной в языковом аспекте, поскольку провербиальные выражения подчас становились индикаторами политической позиции. В свое время это пронизательно описала на примере одной пословицы Лидия Чуковская в мемуарной книге *Прочерк*, создававшей с 1980-х гг. до смерти автора в 1996 г. и ретроспективно описывающей события большого террора:

«Нет дыма без огня» — сколько раз в тридцать седьмом слышала я эти четыре слова. Образчик тогдашних разговоров: «Как? И Коленьку Захарова взяли? Вот уж кто не виноват так не виноват!» — «Да? Вы уверены?» — «Убежден». — «А по-моему, дыма без огня не бывает. Что-нибудь да уж навтврил Коленька ваш».

Как объяснить человеку, повторяющему обыкновенную ходячую пословицу, что, повторяя ее, он становится соучастником кровавых злодейств? Что аксиомы житейского здравого смысла непригодны для объяснения огромных исторических событий? Что ложь бывает совершенно чистой, без малейшей примеси правды? И как быть мне с моим безоружным пониманием? Ведь насильно, пальцами, не откроешь глаз щенку, который еще не прозрел. Ведь у меня ни единого доказательства, свидетельства, факта — ничего, ни единого лучика света, который мог бы пробиться сквозь темь слепоты. «Ну уж вы меня не уверяйте, — повторяет собеседник. — Правильно народ говорит: нет дыма без огня».

Вот и оборонился он четырьмя словами от истины, голой и страшной.

«Нет дыма без огня», — говорит народ. «Истина глаза колет», — говорит он же. Чем только не оборонялись люди от истины! До полного извращения понятий, до полной незрячести (Чуковская 2009: 326–327).

В приведенном рассуждении рефлексировалась только одна пословица, но очевидно, что это не единственное провербиальное выражение, которое могло трактоваться в таком ключе в советское время.

На излете оттепели два писателя почти одновременно создали стихотворения о пословицах и поговорках. Одно из них принадлежит Юлию Даниэлю (1925–1988). Оно было написано во второй половине 1960-х гг. в лагере «Озерный» в Мордовии, где писатель отбывал заключение по громкому делу о публикации и распространении за рубежом антисоветской литературы. Стихи Даниэля существенно расширили пословичный фонд, который можно воспринимать критически:

Я ненавижу
 Прогнивший ворох
 Пословиц старых
 И поговорок
 Про «плеть и обух»,
 Про «лоб и стену», —
 Я этой мудрости
 Знаю цену.
 Она рождает,
 Я это знаю,
 «Свою рубашку»
 И «хату с краю»,
 Она — основа
 Молве безликой:
 «Попал в говно, мол,
 Так не чирикай!
 Снаружи — зябка,
 Снаружи — вьюжно...»
 А всякой мрази
 Того и нужно,
 И мордой об стол
 Всему итог:
 «Куды поперли?!
 Знай свой шесток!..»
 Куда ни плюнешь —
 Такие сценки,
 А всё оттуда,
 От «лба и стенки»,
 От тех, кто трусит —
 В «чужие сани»,
 Тех, кто с часами,
 Тех, кто с весами,
 Тех, кто в сужденьях
 Высоколобых
 Вильнет цитаткой
 Про «плеть и обух»,
 А там — гляди-ка —
 Развел руками
 И пасть ощерил:
 Ведь «жить с волками!»

Когда за глотку
 Хватает кодро,
 За поговорку
 Цепляться подло,
 Да лучше кровью
 Вконец истечь,
 Чем этой гнилью
 Поганить речь...

(Даниэль 1971: 49–50).

Стихотворение Даниэля — опыт деконструкции «народной мудрости». Полагаться на нее означает оказаться безнравственным человеком («за поговорку цепляться подло»), поскольку предлагаемый ею поведенческий кодекс морально ущербен. Несложно выделить принцип отбора провербиальных речений, которым руководствовался Даниэль, — в центре внимания стихотворения цитаты из выражений, предлагающих пассивную гражданскую позицию, выученное бессилие и преступное соучастие. В самом деле, в моральную инвективу поэта встроены такие элементы кодекса пословиц и поговорок, как — по мере развертки текста — *плетью обуха не перешибешь* (2 раза); *лбом стену не прошибешь* (2 раза); *своя рубашка ближе к телу*; *моя хата с краю*; *сидишь в дерьме (в говне) / попал в дерьмо (говно), так не чирикай*; *всяк сверчок знай свой шесток*; *не в свои (в чужие) сани не садись*; *с волками жить, по-волчьи выть*.

Отдельную сложность представляют маркированные как цитата из «народной мудрости» строки «Снаружи — зябко, / Снаружи — вьюжно». Учитывая их семантическое наполнение (холодный и опасный внешний мир с подразумеваемым противопоставлением теплоте пространства), а также птичьи коннотации в предыдущей строке («не чирикай»), напрашивается предположить, что здесь переосмыслиется пословица *всякая птица тепла ищет*. Это провербиальное выражение хорошо соотносится с проведенной через весь текст темой моральной неразборчивости.

Приведенные Даниэлем пословицы и поговорки были распространены в письменном языке и устной речи XX в. и в тексте рассчитаны на узнавание, неслучайно поэтому в стихах они приводятся не целиком, а фрагментарно — как фрагменты общеизвестных речений². В стихотворении они формируют цельную сеть, в которой каждое речение влечет за собой следующее: придерживаясь пословичного поведенческого кодекса, человек от невозможности что-либо изменить в сложившемся мире приходит к тому, что личные интересы оказываются единственно важными, а это, в свою очередь, ведет к социальной мимикрии и к аморальному соучастию в советском коллективизме. По представлениям Даниэля, такой кодекс разделяют все социальные страты советского общества — и обыватели («те, кто трусит», «молва безлика»), и власть имущие («всякая мразь», «те, кто с весами»). Провербиальный фонд подается в тексте как набор риторических формул, оправдывающих аморальность, — неслучайно обращение к нему охарактеризовано как «вильнуть цитаткой», т. е. подчеркивается инородный характер самих речений. Кроме того, все стертые речевые обороты

² Дальше всего от литературной нормы выражение *сидишь в дерьме (в говне) / попал в дерьмо (говно), так не чирикай*, которое появилось уже в послевоенное время и бытовало преимущественно устно. Судя по НКРЯ, впервые в качестве пословицы оно фиксируется в дневниковой записи Ю. Л. Нельской-Сидур в 1969 г., хотя представляется, что устное бытование возникло раньше. Надо полагать, выражение восходит к анекдоту, в котором оно служит поантой концовкой. Согласно предположению М. Мельниченко, самая ранняя возможная фиксация анекдота — 1952 г. См.: (Мельниченко 2014: 608. № 3054В-С).

даются в кавычках, что даже на визуальном уровне их выделяет как речь, расподобленную с авторской.

Стихотворение Даниэля не столько кодифицирует «мудрые» пословицы и поговорки, сколько иллюстрирует их разрушительное воздействие. Здесь нужно обратить особое внимание на стык между каталогом, первой частью стихотворения, и моралью, финалом текста. Так, употребляя выражение *с волками жить, по-волчьи выть*, человек и сам превращается в волка, который «пасть ощерил». В разрыве между строфами происходит своего рода мультипликация «волков», и в финальной части появляется уже «кодла» (*криминальн., жарг.* ‘группа людей, склонная к совершению преступлений’), которая ведет себя подобно волку — «хватает за глотку» и готова уничтожить. Так в конце стихотворения на субъекта в определенном смысле нападает сам язык, буквализованная и реализованная пословица!

Субъект, в свою очередь, готов стать жертвой, но не готов принять «гнилую» речь, а через нее и определенный поведенческий кодекс. Лингвистические взгляды приравниваются к моральным, и такая категоричность, конечно, выражает прямолинейный и однозначный диссидентский этос Даниэля.

Надо полагать, «Я ненавижу...» очерчивает представления Даниэля о советском человеке и в определенной степени связано с опасениями писателя, что эпоха сталинизма может повториться. Этой теме посвящена, например, его более ранняя фантастическая повесть «Говорит Москва» (1962), в которой в СССР 10 августа 1960 г. объявляется «днем открытых убийств»: «В этот день всем гражданам Советского Союза, достигшим шестнадцатилетнего возраста, предоставляется право свободного умерщвления любых других граждан» (Аржак 1962: 12). Сам сюжет, в рамках которого любое убийство предстает не просто безнаказанным, а инспирированным государством, отыгрывал травму сталинского прошлого (Эткинд 2014: гл. 6). Если «Говорит Москва» описывает этическую неразборчивость советского человека, то более позднее стихотворение «Я ненавижу...» — лингвистическую.

Яну Сатуновскому (1913–1982), корифею «лианозовской школы», диссидентская однозначность Даниэля была чужда. Его поэзия отличается сложной системной игрой с советским дискурсом и ускользающей, подчас неоднозначной позицией лирического субъекта³. Один из показательных текстов поэта, написанный в декабре 1966 года, был, согласно авторскому комментарию, «весь составлен из русских пословиц»:

В апреле
земля преет,
баня парит,
баня и правит.

³ См. множество наблюдений в статьях разных авторов в сборнике: (Зыкова & Кулаков & Павловец (ред.) 2021).

Так вяжи
 гужи
 пока свежи!

Да не бей
 Фому
 за Еремину вину,
 нынче кривда
 только за морем кричит,
 а у нас в Москве
 в лапти звонят:
 пожалел затылок,
 хлопбыстнул в висок.

(Сатуновский 2012: 205).

Стихотворение, в самом деле, смонтировано из провербиальных выражений. Эти пословицы малоупотребительны в литературе, во всяком случае, НКРЯ и GoogleBooks фиксируют минимальное количество вхождений выражений в письменном дискурсе. Сложно судить и об их распространенности в устном регистре: некоторые выражения были зафиксированы еще в известном и популярном собрании В. Даля «Пословицы русского народа» (1-е изд. 1862 г.) и явно часто приводились в речи (*в апреле земля прееет; баня парит, баня правит; не бей Фому за Еремину вину*). Другие обнаруживаются только в собрании пословиц и поговорок советской эпохи (*вяжи гужи, пока свежи; нынче кривде только за морем кричать; [об Х.] в Москве лапти звонят; пожалел затылок, ударил в висок*) и не относились к сколь-либо распространенным⁴.

В отличие от прямолинейного Даниэля, Сатуновский не только выбирает редкие провербиальные выражения, но и устраняет из стихов субъекта — перед нами как будто зарисовка вневременного мира, подчиненного природным закономерностям и нехитрым правилам жизни. Вместе с тем в тексте отчетливо проступают очертания лирического сюжета, элементы которого увязываются друг с другом с помощью семантических сцепок и перекличек:

- 1) экспозиция: весна и элементарные закономерности мира. Две пословицы — *в апреле земля прееет* и *баня парит, баня правит* — органично перетекают друг в друга, основываясь на общих семантических компонентах — это повышение температуры («прееет», жаркая «баня») и обновление жизни (конец зимы и очищение от грязи в бане);
- 2) условия личного благополучия: предлагается нехитрый кодекс жизни; человеку следует делать всё вовремя (*вяжи гужи, пока свежи*),

⁴ (Жигулев 1965: 210, 98, 208, 69). Надо полагать, сборник А. Жигулева может считаться одним из источников стихотворения Сатуновского.

быть разборчивыми и справедливым (*не бей Фому за Еремину вину*). Поговорки объединяются за счет глагольных императивов, а с предыдущим смысловым блоком связываются благодаря семе 'свежести' (ср. «пока свежи» — «в апреле»).

- 3) реализация условий личного благополучия: следование простым правилам ведет к ощущению общности со своим народом («а у нас») и к противопоставлению себя — чужим («кривда за морем кричит»). Сказочные оппозиции *в Москве vs. за морем* и *кривда vs. правда* напрямую соотносятся с советскими реалиями: истинный коммунистический дискурс изобличает пропаганду и ложь «прогнившего» Запада. Сцепка с предыдущим микросюжетом обеспечивается за счет семантического компонента 'правда', который неизбежно актуализируется как на фоне «кривды», так и на фоне инструкций (*не бей Фому за Еремину вину* предполагает понимание истинного порядка вещей). Причастность к правильному, «нашему», миру делает мир ясным и прозрачным: *в лапти звонят* наделено значением 'все это знают и все об этом говорят', однако рема высказывания отложена до поантной концовки;
- 4) обратная сторона личного благополучия: следование нехитрому набору жизненных инструкций приводит к убийству. Строки «Пожалел затылок, хлобыстнул в висок» иронично переосмысляют поговорку из второго микросюжета *не бей Фому за Еремину вину*, акцентируя в обоих выражениях сему 'насилия'. Сатуновский не только усиливает экспрессию изначальной поговорки, меняя ударил на «хлобыстнул» ('сильно ударить с размаха'), но и выводит смысл поговорки на другой уровень: соседство экспрессивного глагола, описывающего однократное насильственное действие, с «затылком» и «виском» неизбежно акцентирует тему убийства (с возможными ассоциациями с выстрелом из оружия). Итак, смысловая аннотация поантной концовки здесь может быть следующей: 'нельзя бить Фому за вину Еремы, но Ерему бить вполне можно; пожалел затылок Еремы и «хлобыстнул» его в висок, убил; «за морем» это осуждается как нечто неправильное, но это не так; на самом деле, у нас все об этом говорят и не видят в этом ничего предосудительного'.

Центон Сатуновского, таким образом, из мира фольклорной идилии и незамысловатых базовых правил жизни приходит, не меняя ни тона, ни языка, ни модальности, к страшному и трагичному. В отличие от Даниэля, противопоставляющего язык «Я» и язык пословиц, Сатуновский на протяжении всего текста находится внутри провербиального дискурса. В определенном смысле, в этом конкретном стихотворении поэт ассоциируется с ним и разыгрывает его смысловой потенциал, выявляя, к чему может привести ассоциативный монтаж пословиц и поговорок.

У поэта не было иллюзий по поводу советского человека. В другом более раннем стихотворении 1963 г. Сатуновский, играя с советским дискурсом, деконструировал высокое и патетичное наполнение понятия «народ»:

Мой язык славянский — русский.
Мой народ смоленский, курский,
тульский, пензенский, великолуцкий.

Руки скрутят за спину,
повалят навзничь,
поллитровкой голову провалят —
ничего другого
я не жду от своего
народа.

(Сатуновский 2012: 146).

Стоит также напомнить, что Сатуновский, заставший все повороты сталинской эпохи, последовательно прорабатывал в стихах травму большого террора и антисемитской компании 1948–1953 гг. (борьба с космополитизмом). Как видно по приведенным стихам, не исключал он и возможности новых идеологических поворотов советской действительности. Для него поощряемая властью агентность народа ведет только к убийствам, и попытка вжиться в свод народных представлений в стихотворении «В апреле...» только это подтверждает.

Набор приемов в двух стихотворениях очень разный. Двустопный ямб Даниэля, традиционно легкий размер, восходящий к пушкинской эпохе, выражает гражданскую патетику и опирается в этом на литературную традицию — в финале стихов недвусмысленно считывается аллюзия на Мандельштама («Мне на плечи кидается век-волкодав», «И меня только равный убьет»). Верлибр Сатуновского экспериментален по своей природе, хотя идея поэтического центона, как и различные типы ролевой поэзии, уходят корнями в модернистские интертекстуальные игры. По-видимому, неслучайна в стихах Сатуновского и аллюзия на цветаевские «Стихи к Блоку»: «У меня в Москве — купола горят! / У меня в Москве — колокола звонят!» Однако в понимании «народной мудрости» Даниэль и Сатуновский удивительным образом сходятся. Знаменательно, что «Я ненавижу...», и «В апреле...» — такие разные по своей интонации и модальности стихотворения — завершаются недвусмысленной темой убийства: готовностью умереть в первом случае и жертвой во втором. Причиной же убийства оказывается в определенном смысле именно язык, кодекс пословиц и поговорок, который диктует неумолимую и ущербную логику поступка.

Редкая в русской поэзии рефлексия о proverbially выражениях в проанализированных текстах достигает нового уровня. Пословицы и поговорки интересуют авторов не как конфигурации мысли, а как активные знаковые образования, принадлежащие одновременно государственной идеологии и народу, социальной категории, которая в русской культуре всегда остается достаточно загадочной.

ЛИТЕРАТУРА

- Аржак Николай [Даниэль Юлий]. *Говорит Москва*. Повесть. Вашингтон, 1962.
- Даниэль Юлий. *Стихи из неволи*. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971.
- Жигулев Александр (сост.). *Русские народные пословицы и поговорки*. Москва: Московский рабочий, 1965.
- Зыкова Галина, Кулаков Владислав, Павловец Михаил (ред.). «Лианозовская школа». *Между барачной поэзией и русским конкретизмом*. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.
- Красильникова Татьяна, Успенский Павел. *Поэтический язык Пастернака. «Сестра моя — жизнь» сквозь призму идиоматики*. Москва: Языки славянской культуры, 2021.
- Медведев Павел. *Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику*. Москва: Лабиринт, 2003 [первая публикация — 1928].
- Мельниченко Михаил. *Советский анекдот (указатель сюжетов)*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
- Сагуновский Ян. *Стихи и проза к стихам*. Москва: Виртуальная галерея, 2012.
- Успенский Павел, Файнберг Вероника. *К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама*. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
- Чуковская Лидия. *Прочерк*. Москва: Время, 2009.
- Эткинд Александр. *Кривое горе. Память о непогрешенных*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
- Uspenskij Pavel. «Статус поговорки в первой трети XIX в. и характер мысли Е. А. Боратынского: Вокруг стихотворения “Старательно мы наблюдаем свет...”». *Russian Linguistics* 45/1 (2021): 105–121.

REFERENCES

- Arzhak Nikolaj [Daniel' Yuli]. *Govorit Moskva*. Povest'. Vashington, 1962.
- Chukovskaya Lidiya. *Procherk*. Moskva: Vremya, 2009.
- Daniel' Yuli. *Stihi iz nevoli*. Amsterdam: Fond imeni Gercena, 1971.
- Etkind Aleksandr. *Krivoe gore. Pamyat' o nepogrebennyh*. Moskva: Novoe litearturnoe obozrenie, 2014.
- Krasil'nikova Tat'yana, Uspenskij Pavel. *Poeticheskij yazyk Pasternaka. «Sestra moya — zhizn'» skvoz' prizmu idiomatiki*. Moskva: YASK, 2021.
- Medvedev Pavel. *Formal'nyj metod v literaturovedenii. Kriticheskoe vvedenie v sociologicheskuyu poetiku*. Moskva: Labirint, 2003 [pervaya publikaciya — 1928].
- Mel'nichenko Mikhail. *Sovetskij anekdot (ukazatel' syuzhetov)*. Moskva: Novoe litearturnoe obozrenie, 2014.
- Satunovskij Yan. *Stihi i proza k stiham*. Moskva: Virtual'naya galereya, 2012.
- Uspenskij Pavel, Fajnberg Veronika. *K russkoj rechi. Idiomatika i semantika poeticheskogo yazyka O. Mandel'shtama*. Moskva: Novoe litearturnoe obozrenie, 2020.
- Uspenskij Pavel. «Status pogovorki v pervoj treti XIX v. i harakter mysli E. A. Boratynskogo: Vokrug stihotvoreniya “Staratel'no my nablyudaem svet...”». *Russian Linguistics* 45/1 (2021): 105–121.
- Zhigulev Aleksandr (sost.). *Russkie narodnye poslovicy i pogovorki*. Moskva: Moskovskij rabochij, 1965.
- Zykova Galina, Kulakov Vladislav, Pavlovec Mikhail (red.). «Lianozovskaya shkola». *Mezhdu barachnoj poeziej i russkim konkretizmom*. Moskva: Novoe litearturnoe obozrenie, 2021.

Павел Успенски

СТАТУС „НАРОДНЕ МУДРОСТИ“ У АНДЕРГРАУНД ПОЕЗИЈИ 1960-ИХ ГОДИНА:
СЛУЧАЈ Ј. ДАНИЈЕЛА И Ј. САТУНОВСКОГ

Резиме

Рад је посвећен двама песничким текстовима из друге половине 1960-их година, који се састоје од пословица и изрека. Иако стихови припадају ауторима који се веома разликују (једну песму је написао дисидент Јулиј Данијел, а другу Јан Сатуновски, представник Лианозовске школе), оба текста имају исти задатак: да деконструишу статус „народне мудрости“ приписан пословицама и изрекама у совјетској култури. У раду се детаљно анализира на који начин аутори, који су одабрали принцип центона, као најактуелнији, показују морално посрнуће устаљених израза. Посебно се разматра проблем песничког субјекта.

Кључне речи: поетика, пословице и изреке, совјетска андерграунд поезија, дисидентски покрет, Лианозовска школа, Јан Сатуновски, Јулиј Данијел.